

А Н Т О Л О Г И Я

Ф Е Д О Р С О Л О Г У Б

Я ждал, что вспыхнет впереди
Заря, и жизнь свой лик покажет
И нежно скажет:
"Иди!"

Без жизни отжил я, — и жду,
Что смерть свой бледный лик покажет
И грозно скажет:
"Иду!"

12 октября 1892

В полдне не видно ни зги.
Кто-то зовет: "Помоги!"
Чтой я могу?
Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал,
Как помогу?

Кто-то зовет в тишине:
"Брат мой, приблизься ко мне!
Легче вдвоем.
Если не сможем идти,
Вместе умрем на пути,
Вместе умрем!"

18 мая 1897

Друг мой тихий, друг мой дальний,
Посмотри, —
Я холодный и печальный
Свет зари.

Я напрасно ожидаю
Божество, —
В бледной жизни я не знаю
Торжество.

Над землею скоро встанет
Ясный день,
И в немую бездну канет
Злая тень, —

И безмолвный, и печальный,
Поутру,
Друг мой тайный, друг мой дальний,
Я умру.

14 сентября 1898

ЗВЕЗДА МАИР
/I/

Звезда Маир сияет надо мною,
Звезда Маир,
И озарен прекрасною звездою
Далекий мир.

Земля Ойле плывет в волнах эфира,
Земля Ойле,
И ясен свет блистающий Маира
На той земле.

Река Лигой в стране любви и мира,
Река Лигой
Колеблет тихо ясный лик Маира
Своей волной.

Брянанье лир, цветов благоуханье,
Брянанье лир
И песни жен слились в одно дыханье,
Хваля Маир.

15 сентября 1898

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Но нет ответа, мне нет ответа
На страстный зов.
В стране далекой Елисавета,
В стране отцов.

Её могила, её могила
В краю ином.
Она скончалась. Её могила -
Ревнивый дом.
Победа смерти не победила
Любви моей.
Сильна могила, её могила, -
Любовь сильней.

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Слова завета, слова завета
Не нам забыть.
С тобою вместе, Елисавета,
Нам надо быть.

Расторгнуть бремя, расторгнуть бремя
Пора пришла.
Земное, злое растет бремя,
Как сон, как мгла.

Земное бремя — пространство, время —
Мгновенный дым.
Земное, злое расторгнем бремя
И победим!

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Тебя я встречу в блестаны света,
Любовь моя.
Мы будем вместе, Елисавета,
И ты и я.

21-22 июня 1902

СОБАКА СЕДОГО КОРОЛЯ
Когда я был собакой
Седого короля,
Ко мне ласкался всякий,
Мой верный нрав хвала.

Но важные вельможи
Противно пахли так,
Как будто клочья кожи,
Негодной для собак.

И дамы пахли кисло,
Терзая кислый нос,
Как будто бы повисла
С их плеч гирлянда роз.

Я часто скалил зубы,
Ворча на этих шлюх:
И мы, собаки, грубы,
Когда страдает нюх.

Кому служил я верно,
То был король один.
Он пахнул тоже скверно,
Но он был властелин.

Я с ним и ночью влажной,
И в пыльном шуме дня.
Он часто с лаской влажной
Похваливал меня.

Один лишь паж румяный,
Веселый мальчуган,
Твердил, что я поганый
Ворчун и грубиян.

Но, мальчику прощаю,
Я был с ним очень прост,
И часто он, играя,
Хватал меня за хвост.

На всех рыча мятецко,
Пред ним смирял я злость:
Он пахнул очень нежно,
Как с мозгом жирным кость.

Людьми нередко руган,
Он все ж со мной шалил,
И раз весьма испуган ~~меня~~ мальчишкою я был.

Опасную игрушку
Придумал навязать
Он мне на хвост: гремушку,
способную пытать.

Дремал я у престола,
Где восседал король,
И вдруг воспрянул с пола,
В хвосте почуяв боль.

Хвостом косматым пламя
Восставил я, дрожа,
Как огненное знамя
Большого мятежа.

Я громко выл и лаял,
Носясь быстрей коня.
Совсем меня измаял
Злой треск и блеск огня.

Придворные нашлися, —
Гремушка вмиг снята,
И дамы занялися
Лечением хвоста.

Король смеялся очень
На эту дурь и блажь,
А все-таки пощечин
Дождался милый паж.

Прибили так, без гнева,
И плакал он шутя, —
Притом же королева
Была совсем дитя.

Давно всё это было,
И минуло давно.
Что пахло, что дразнило,
Давно погребено.

Удел безмерно грустный
Собакам бедным дан, —
И запах самый вкусный
Исчезнет, как обман.

Ну вот, живу я паки,
Но тощен белый свет:
Во мне душа собаки,
Чутья же вовсе нет.

24 февраля 1905

Высока луна Господня,
Тяжко мне.
Истомилась я сегодня
в тишине.

Ни одна вокруг не лает
Из подруг.
Скучно, страшно, замирает
Все вокруг.

В ясных улицах так пусто,
Так мертвое.
Не слыхать шагов, ни хруста,
Ничего.

Землю нюхая в тревоге,
Жду я бед.
Слабо пахнет по дороге
Чей-то след.

Никого нигде не будит
Быстрый шаг.
Жданный путник, кто ж он будет –
Друг иль враг?

Под холодною луною
Я одна.
Нет, невмочь мне, – я завою
У окна.

Высока луна Господня,
Высока.
Грусть томит меня сегодня
И тоска.

Просыпайтесь, нарушайте
~~тишину~~ Тишину.
Сестры, сестры! войте, лайте
На луну!

Не трогай в темноте
Того, что незнакомо, —
Быть может, это — те,
Кому привольно дома.

Кто с ними был хоть раз,
Тот их не станет трогать.
Сверкнет зеленый глаз,
Царапнет быстрый ноготь, —

Прокинется котом
Испуганная нежить.
А что она потом
Затеет? Мучить? Нежить?

Куда ты не пойдешь,
Возникнут пусторосли.
Измаешься, заснешь.
Но что же будет после?

Прозрачной щекой
Прильнет к тебе сожитель.
Он серою тоской
Твою затмит обитель.

И будет жуткий страх —
Так близко, так знакомо —
Стоять во всех углах
Тоскующего дома.

II декабря 1905

ТИХАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Много бегал мальчик мой.
Ножки голые в пыли.
Ножки милые помой.
Мои ножки, задремли.
Я спою тебе, спою:
Баю-баюшки-баю.

Тихо стукнул в двери сон.
Я шепнула: "Сон, войди".
Волоса его как лен,
Ручки дремлют на груди, —
И тихонько я пою:
Баю-баюшки-баю.

"Сон, ты где был?" — "Зажи горой."
— "Что ты видел?" — "Лунный свет."
— "С кем ты был?" — "С моей сестрой."
— "А сестра пришла к нам?" — "Нет."
Я тихонечко пою:
Баю-баюшки-баю.

Дремлет бледная луна.
Тихо в поле и в саду.
Кто-то ходит у окна,
Кто-то шепчет: "Я приду."
Я тихохонько пою:
Баю-баюшки-баю.

Кто-то шепчет у окна,
Точно ветки шелестят:
"Тяжело мне. Я больна.
Помоги мне, милый брат."
Тихо-тихо я пою:
Баю-баюшки-баю.

"Я косила целый день.
Я устала. Я больна."
За окном шатнулась тень,
Притаилась у окна.
Я пою, пою, пою:
Баю-баюшки-баю.

19 октября 1906

НЮРНБЕРГСКИЙ ПАЛАЧ

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча.

И я учился в школе
В стенах монастыря,
От мудрости и боли
Томительном горя.

Но путь науки строгой
Я в юности отверг,
И вольною дорогой
Пришел я в Нюренберг.

На площади казнили:
У чьих-то смуглых плеч
В багряно-мглистой пыли
Сверкнул широкий меч.

Меня прельстила алость
Казнящего меча
И томная усталость
Седого палача.

Пришел ^{нему} ~~ко нему~~, учился
Владеть его мечом,
И в дочь его влюбился,
И стал я палачом.

Народною боязнью
Лишенный вольных встреч,
Один пред каждой казнью
Точу мой темный меч.

Один взойду на помост
Росистым утром я,
Пока спокоен дома
Строгий судия.

Свяжу веревкой руки
У жертвы палача.
О, сколько тусклой скуки
В сверкании меча!

Удар меча обрушу,
И хрустнут позвонки,
И кто-то бросит душу
В размах моей руки.

И хлынет ток багряный,
И, тяжкий труп влача,
Возникнет кто-то рдяный
И темный у меча.

Не опуская взора,
Пойду поспешно прочь
От скучного позора
В мою дневную ночь.

Сурово хмуря брови,
В окошко постучу,
И дома жажда крови
Приникнет к палачу.

Мой сын покорно ляжет
На узкую скамью,
Опять веревка свяжет
Тоску мою.

Стенания и слезы, -
Палач - везде палач.
О, скучный плеск березы!
О, скучный детский плач!

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча!

ЧЕРТОВЫ КАЧЕЛИ

В тени косматой ели
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатою рукой.

Качает и смеется,
 Вперед, назад,
 Вперед, назад.

Доска скрипит и гнется,
О сук тяжелый трется
Натянутый канат.

Снует с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И черт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
 Вперед, назад,
 Вперед, назад,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От черта томный взгляд.

Над верхом темной ели
Хохочет голубой:
"Попался на качели,
Качайся, черт с тобой."

В тени косматой ели
Визжит, кружась гурьбой:
"Попался на качели,
Качайся, черт с тобой."

Я знаю, черт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозящий взмах руки,

Пока не перетрется,
Крутясь, конопля,
Пока не подвернется
Ко мне моя земля.

Взлечу я выше ели,
и лбом о землю трах,
Качай же, черт, качели,
Всё выше, выше ... ах!

14 июня 1907

Вздымался облако пыли,
Багровое, злое, как я
Скрывая постылые были,
Такие ж, как сказка моя.

По улицам люди ходили,
Такие же злые, как я,
И злую тоску наводили,
Такую же злую, как я.

И шла мне навстречу царица,
такая же злая, как я,
И с нею безумная жрица,
Такая же злая, как я.

И чары несли они обе,
Такие же злые, как я,
Смеяся в ликующей злобе,
Такой же, как здобра моя.

Пылали безумные лица
Такой же тоской, как моя,
И злая из чар небылица
Вставала, как правда моя.

Змеиной растоптанной злобе,
Такой же, как злоба моя,
Смеялись безумные обе,
Такие же злые, как я.

В багряности поднятой пыли,
Такой же безумной, как я,
Царица и жрица укрыли
Такую же тоску, как моя.

По улицам люди ходили,
Такие же злые, как я,
Тая безнадежные были,
Такие же, как сказка моя.

18 ноября 1908

/ТРИОЛЕТ/

Стихия Александра Блока —
Метель, взвивающая снег.
Как жуток зыбкий санный бег
В стихии Александра Блока.
Несемся — близко иль далеко? —
Во власти цепенящих нег.
Стихия Александра Блока —
Метель, взвивающая снег

28 декабря 1913 Петербург

Я испытал превратности судеб
И видел много на земном просторе.
Трудом я добывал свой хлеб,
И весел был, и мыкал горе.

На милой, мной изведанной земле
Уже ничто теперь меня не держит,
И пусть таящийся во мгле
Меня стремительно повержет.

Но есть одно, чему всегда я рад
И с чем всегда бываю светло-молод, —
Мой труд. Иных земных наград
Не жду за здешний дикий холод.

Когда меня у входа в Парадиз
Суровый Пётр, гремя ключами, спросит:
"Что сделал ты?" — меня он вниз
Железным посохом не сбросит.

Скажу: "Слагал романы и стихи,
И утешал, но и вводил в соблазны,
И вообще мои грехи,
Апостол Пётр, многообразны.

Но я — поэт." И улыбнется он,
И разорвет грехов рукописанье,
И смело в рай войду, прощен,
Внимать святое ликованье.

Не затеряется и голос мой
В хваленьях ангельских, горящих ясно.
Земля была моей тюрьмой,
Но здесь я прожил не напрасно.

Горячий дух земных моих отрав,
Неведомых чистейшим серафимам,
В благоуханье райских трав
Вольется благовонным дымом.

8 апреля 1919